

Мужчина / рассказ

Category: Некаýалар, Кітарсу

написано кітарсу | 24 января, 2025

Мужчина / рассказ МУЖЧИНА

С тех пор я справлял новый год двадцать пять раз. Иногда это бывало весело, но чаще всего я топил его в заботах, подальше от памяти, как ту убитую камнем лягушку в маленьком болотце с кашкой. Моим «новым годом» были пара часов одиночества в городе, думаю, с часу дня, когда можно встретить в центре людей, случайно обронивших свои настоящие эмоции и подхватить их, неслышно следуя рядом. Этого хватало до первого, а иногда и до второго января.

В декабре девяносто третьего года я наводил мосты с однокурсницей, сидя на заднем сидении машины марки «Жигули». Странно, наверное, но в школе я ни разу ни с кем не целовался. Ни с девушкой, ни с парнем. Хотя бывало, о ком-то и мечтал. На переднем сидении глаза в глаза медитировали мой друг с его, как он считал, девушкой. Попсовый музыкант Газебо, казалось, сидел в районе подстаканника между сидениями и напевал нам вариации Шопена, сгущая краски.

Мне нравилось трогать её волосы, вернее, слегка прикасаться к тем прядям, которые просвечивали в белой полутьме падающего снега, постепенно укрывавшего заднее стекло машины. Я смотрел в её глаза, запускал в них что-то вроде любви, а она пребывала в позе покорности, и я догадывался, что это мое поведение девственника кажется ей странным до внутреннего смеха, проскакивавшего рядами в дрожащей улыбке. Наташа. Закончилось все схождением пальцев наших рук в замок, что должно было символизировать, по моему мнению, намёк на предстоящую новогоднюю ночь у меня дома.

К которой, впрочем, ещё надо было подготовить реквизит. Шампанское и петарды мы купили на Никольском базаре, даже не на самом базаре, все можно было купить вокруг него, не ныряя в ряды, где торговали профессионалы. Мы предпочитали брать у лохов-инженеров, учителей и чертёжников из НИИ. Лучшая

китайская водка привозилась ими неизвестно откуда, но водку мы взяли только одну, русскую российскую. Родители мои уехали отмечать к друзьям, предоставив частный дом с засыпанным снегом двором и протоптанными собакой тропинками в полном нашем распоряжении. Встречать новый год вчетвером, имея телевизор, магнитофон и все наготовленное, на первом курсе выглядит счастьем. Нагрязнеть в нашу идиллию грозились всё. Но с некоторыми оговорками, которые в такую ночь могут обернуться обстоятельствами непреодолимой силы. Как в договоре на оформление кредита.

В десять вечера дамы уже мало напоминали прежних сокурсниц. Они были прекрасны, наши принцессы девяностых. Да они прекрасны и сейчас, но тот особый шарм смеси совка, свободы и следов китайской границы в двухстах километрах не передаётся даже через распечатанные фотографии в моём университетском альбоме. Выложенные в сеть, эти снимки приобретают вид вынутой из аквариума огненной рыбки, оказавшейся серой тряпочкой на ладони.

Начали мы с семейных альбомов, разложенных на голые коленки. Оказывается, я не стеснялся быть в детстве смешным. Оборачиваясь на зов отца с горшка, не знал, что это останется навсегда. Я подумал, стоит ли показывать коллекцию марок или это слишком большой шаг. Ведь коллекция принадлежала не только мне и хранилась у меня согласно очереди.

Они были лучшими подругами, соседками и понимали друг друга как инопланетяне, без слов. За столом это получалось особенно заметным, и даже уворачивались от брызг шампанского они одинаково, растопырив ладонь у лица. Саня всё время уходил курить. От волнения он доводил нашу собаку, осиротевшую без моих родителей, до приступов хриплого кашля. Граф рвал ошейник, натягивая цепь струной, хорошо ещё, что у собак нет кадыка.

Ровно без пятнадцать полночь Саня вернулся в комнату вместе с моей бабулей. Жила она недалеко – открываешь калитку, соединявшую наши дворы в узком проходе между домами, и всё. Вот она – бабуля. Аграфена Родионовна. Скорее всего, я вырос таким влюблённым в одиночество и тишину благодаря ей и

проведённому в её окружении детству. Гуляли в том доме с размахом и аккордеоном, дед неплохо играл, она пела застольные русские, а после водки и украинские песни, душевно и плясала. Могла даже одна. Пьянством в то время это не называлось.

В глазах у моей любимой бабушки светилось желание «вдарить рок в этой дыре», как сказали бы стареющие металлисты. Я хорошо знал этот взгляд, направленный сейчас в спину флегматичному грузному Сане. Мне стало страшно. Такие мечты не должны сбываться. Трепетно и вкрадчиво познакомившись с дамами (Наташа – Ира, бабушка его), она предложила нам выпить сразу водки, разлив из бутылки, которую принесла с собой для знакомства. Бабуля превосходно крутила компоты на зиму, я жить без них не мог и сейчас не знаю, как существую. В нашем распоряжении оказалась трёхлитровая банка, тяжёлая. Когда подняли тост, я увидел, как исхудало её лицо. Она, опытный фельдшер, знала о своём белокровии многое, почти всё.

До самой речи они танцевали с Наташей под то, что было по телевизору. Я впервые видел свою даму вне института, вне её комнаты и вне созданного мной уютного подпространства. По взглядам, какие они бросали друг на друга, я понял, что, когда пляска завершится, бабушка предложит мне жениться на Наташе. Я понял, глядя на весь этот душевный дискомфорт, что я больше не хочу жениться на ней, и даже, возможно, вообще не хочу.

Когда бабуля вышла за дверь, расцеловав всех по очереди белым запахом пудры, бросив нас посреди танца переглядываться с неловкими улыбками, на улице бешено загремели салюты.

Пора было!

В людях, выхватываемых из темноты и стелющегося дыма вспышками и всполохами, угадывались пьяные соседи в наспех наброшенных куртках. Насупленные укутанные дети с сомнением стояли вдоль сугробов, ещё не способные до конца оценить этого ритуала ответа президенту громом и молниями.

Высокая тень, в которой угадывался рост моего сокурсника, оказалась рядом и поздоровавшись, рассмеялась высоко и противно. Наташа сообщила Сане, что им придётся уехать, так как родители звонили, и можно не провожать, потому что нельзя сейчас бросать дом и перепуганную собаку, и что моя бабушка –

золото и очень ей понравилась, и спасибо, надо забрать только сумки. Не хотелось смотреть ей в глаза, и я притворился уже пьяным, во всяком случае пьянее, чем был на тот момент. Холод сделал своё дело.

Хотелось, чтобы они ушли немедленно. Но тень заявила, что в таком состоянии нас с Саней бросать нельзя, и неплохо бы ещё немного поужинать, потому что нам с Саней точно надо как следует поесть.

В ту новогоднюю ночь я блевал в сугроб возле нашего гаража. Из меня летели частички растворимого кофе, ведь оно помогает протрезветь, если заварить очень-очень крепко. Хотя ничего уже не спасёт после полуночи и водки, особенно если раньше ты пил ее только однажды.

Несколько раз меня спросили в процессе, хорошо ли я себя чувствую.

Когда они ушли, мы целый час провели около телевизора, бессмысленно видя всех этих людей с микрофонами и жестами. Не знаю, может Саня тоже блевал. От сигарет. Он толстокожий и никогда не скажешь, что чувствует, если не приглядываться к тому, с каким выражением лица он совершает затяжку. Мы вместе торговали на барахолке целый год до моего поступления в университет, и я изучил все его нервы.

Кто первый предложил пострелять в честь нового года по московскому, я не помню. Так всегда делали его и мои родители, и мы просто взяли все оставшиеся петарды на улицу.

Справа что-то бабахнуло, я отступил. Целая батарея небольших красных петард-патронов палила пулеметным огнем, извиваясь по асфальту. Я вспомнил, что лет пять назад, когда улицу раскопали – меняли большую магистральную трубу, как раз в этом месте был временный деревянный мост, и мы, рискуя, проезжали по нему на великах туда-сюда.

За моей спиной в небо ушла ракета, я даже присел, так ухнуло. Вверху был ад – ничего не видно, тучи, дым и смог от покрышек и газетных вязанок «Казахстанской Правды», «SPEED-ИНФО» и просто «Правды», которыми топился частный сектор. Я отступил ещё на несколько шагов и заблудился. Шёл куда-то вниз по улице, не узнавая дворов и калиток. Там не так стреляли, и

захотелось побыть в относительной тишине, но дым полз и сюда, догоняя меня. Справа у распахнутой калитки курили двое, жестикулируя. Салют заканчивался, все возвращались. Осторожно, проверяя уши, лаяли собаки.

– Э, иди сюда! – я остановился, глядя в сторону этих двоих.

– Ты чё! – сказал второй с оттенком, скользнувшем от утверждения к вопросу.

– Привет, – сказал я, произнеся хоть что-то впервые за последнее время.

– Иди сюда, подойди, не бойся, – первый, кажется, был не таким пьяным.

Вставил сигарету в рот, не торопился, потом схватил меня за скользкий рукав и втащил в калитку.

Я плыл настоящим холодцом, податливым и безразличным.

Во дворе второй сбил с меня меховую ушанку. Это была почти угроза. Дым полз во двор.

– Русский? Как зовут? – не помню, кто спросил.

– Юрий.

– А, Юра, русский!

– Убъём нах.

– Чуваш вообще-то, – это метод, читал о нём где-то в «Ровеснике»: надо сказать хулиганам что-нибудь необычное.

– Что за чуваш? Православный? Бог кто?

– Чуваши, кажется, мусульмане, – я искал глазами шапку, планируя дернуться и бежать.

Калитку они мне оставили незакрытой. Я начал быстро соображать. Страх и кофе.

– Да, да, чуваши мусульмане, – подхватил второй, обрадовавшись.

Я молчал. Шапки нигде не было.

– Э, ну иди, ладно!

– Спасибо, – я слишком часто говорю спасибо, иногда за это бывает стыдно.

Я захлопнул калитку и пошел прочь неровно. Уши горели. По разным причинам.

Помню, что ещё предпринял пару попыток найти калитку и шапку,

подумав, что скажу им «Салам аллейкум».

«Салам аллейкум», повторял я беззвучно в морозный воздух, возвращаясь к дому. Ключ нащупал в кармане. На улице никого уже не было, свои ворота я узнал издалека. Рядом с ними танцевали. Саня и мой сосед – музыкант, выступавший в кабаках, довольно известный. Позже он подарит мне «Поливокс» и ещё позже ужаснётся тому, что я бессмысленно разобрал дорогой синтезатор на части. Но тогда он танцевал с Саней и со своей женой, хотя Саня скорее притопывал, а жену я даже сперва не заметил. Музыка не было, но это не напрягало. Я понял, что они пьяные и понял, что я трезвый.

– Ты где был? Дом закрыт! – спросил Саня.

«Слава богу, – подумал я, – дом закрыт».

– А идёте к нам, ребят, у нас весело! Потанцуем и споём!

– Да, мы уже пели сегодня, спасибо, Алексей, – я звал его Алексей, а не дядя Алексей.

– Ликёром вас угостим, – сказала его распахнутая жена. Мы не были знакомы.

Высокое крыльцо и за ним холодная прихожая, на полу которой, в углу, стоят две желтые кастрюли, составленные друг на друга. Противного общепитовского цвета.

– Не надо разуваться!!! – сказал Алексей, разуваясь.

В зале было чудо – настоящая светомузыка. Диско-шар, каким-то образом подвешенный на уровне люстры, бросал пули серебряного света, превращая взлохмаченный диван, стол, уставленный всем, стулья в тайну. Отвечал ему только экран телевизора, тихо певший голосом Маркина про поцелуи на песке.

В углу дивана, поджав под себя ноги, сидела женщина, она вежливо поздоровалась с нами. Когда мы сели к столу, осталась на диване, игнорируя ликёр и предложенные салаты. Она сидела прямо за моей спиной, и я загораживал ей Маркина.

Всё-таки я переместился вместе со стулом вправо, место ещё оставалось. Ликёр был необычайно синим. Хит года, но мы не решились купить. Я засмеялся, когда они начали говорить своими синими ртами – это было смешно.

Бывают ситуации, когда видишь несчастного человека и думаешь помочь, но лучше не надо, а надо, чтобы человек сам пережил,

справился. Это как раз и есть наглядный случай эффекта бабочки, о котором все говорят.

Боковым зрением я наблюдал за тем, что происходит на диване. Грусть придавала её лицу кинематографичности, но она не играла, просто комфортный образ, будто спустилась со сцены, где её платье, вырез, шею, губы, ноги и плечи растерзали глазами и всё вернули.

Почувствовала мое внимание. Это выдала пробежавшая улыбка, которую я принял на свой счёт. Я не слушал синие рты. Меньше всего хотелось, чтобы она присоединилась к нам после просьбы Алексея, но она подседа. Мои однокурсницы и знакомые выбирали себе модные прически, модные вещи и искали индивидуальности настолько, насколько это было возможно в то время, но они не осмелились бы остановиться на одной детали, на только платье. Цвета серебряного тумана, делавшее её похожей на русалку, если бы не птичьи щиколотки. Теперь она сидела напротив, отсутствуя.

Мы разминулись в каждом измерении, но у меня горели щеки и дрожали пальцы, которыми я зажигал спички, забытые возле металлического костра погибших бенгальских огней. В голове у меня играла совсем другая музыка, не помню её, у меня сниженный болевой порог, поэтому приходилось отпускать спичку, не додержав до конца.

Она замечала эти огоньки, даже попросила меня передать её бокал с другого края. Пальцы скользнули, звякнув ногтем по ножке и дотронувшись до моей уже не дрожавшей руки. Отпив вина, она посмотрела на меня пристально, я чувствовал это, не поднимая глаз, разглядывая очередную жертву – спичку.

Потом предусмотрительно отвернулась. Похолодело внутри, как перед прыжком с моста, но я продолжал изучать её и получил второй шанс.

Она посмотрела на меня и увидела.

Разлили синего ликёра, и мы выпили уже все вместе, чего-то там пожелав друг другу.

Об авторе: ЮРИЙ СЕРЕБРЯНСКИЙ – редактор отдела прозы в Литературе

Писатель. Родился в Алма-Ате в 1975 году. Окончил Казахский национальный университет имени Аль-Фараби по специальности химик-эколог. Изучает культурологию в Варминско-Мазурском университете города Ольштын, Польша. Публиковался в литературных журналах «Простор», «Книголюб», «Дружба народов», «Знамя», «Новый мир», «Воздух», «День и ночь», «Новая юность», «Пролог», «Юность», Iowa Magazine, Barzakh, «Новая реальность», «Литература», Promegalit и др. Участвовал в форумах молодых писателей в Липках, лауреат «Русской премии» в номинации «малая проза» в 2010 году и в 2014 году. Участник международной писательской резиденции IWP 2017 в США, проза переведена на казахский, английский, польский, китайский, французский, испанский, арабский, немецкий. Редактор журнала польской диаспоры в Казахстане «Ałmatyński Kurier Polonijny». Работал главредом Esquire Kazakhstan. Член Казахского Пен-клуба. Neкаýalar